

Банкет

Му Сяодун приходился двоюродным братом Сунь Чэ.

Приемным сыном Ци Лянь.

Подобно Сунь Чэ, в семье Ци Ци Лянь была настоящей белой вороной. Она не стала подчиняться семейным устоям, чтобы выйти замуж и завести детей, и еще в юности сбежала за границу. Те, кто занимается искусством, от рождения обладают душой бродяги, даже если они женщины.

Ци Лянь ушла легко и беззаботно, оставив все, что было связано со второй госпожой семьи Ци, на родине, и прожила за границей больше десятка лет. К тридцати годам Ци Лянь прозрела: ее любовь к свободе превосходила всё остальное, и в этой жизни она замуж выходить не собиралась. Поэтому она без колебаний вернулась в страну Хуа и усыновила в детском доме красивого ребенка — того самого Му Сяодуна, которого все знали сегодня.

Ци Лянь осталась на родине, чтобы оформить документы на усыновление и иммиграцию, а также, сильно тоскуя по единственному сыну своей старшей сестры, уведомила семью Сунь и забрала Сунь Чэ пожить вместе на месяц, пока сама не уедет за границу.

Именно тогда Сунь Чэ и познакомился с Му Сяодуном.

Ребенок, только что вышедший из детского дома, был замкнутым, застенчивым и самую малость капризным.

Сунь Чэ в детстве был довольно угрюмым, но с этим мальцом они сошлись неплохо. К тому же сверстников, с которыми он мог бы общаться, было слишком мало, и это ощущение новинки запомнилось ему надолго.

Для него Му Сяодун был не только сыном его младшей тетушки, но и редким светлым воспоминанием из детства.

Среди тех шаблонных, серых и блеклых воспоминаний время, проведенное с Ци Лянь и Му Сяодуном, было наполнено красками.

Хотя прошло уже много лет и тот пугливый малыш превратился в ладного юношу, эти теплые воспоминания вовсе не потускнели.

Поэтому поддавшись на представление Ци Лянь, он впервые за долгое время искренне и дружелюбно улыбнулся Му Сяодуну.

Конечно, это была всего лишь улыбка.

В конце концов, прошло столько лет, все уже выросли, а Сунь Чэ и вовсе изменился настолько, что порой сам себя не узнавал.

Ци Лянь погладила Му Сяодуна по голове и лукаво улыбнулась: Этот мальчишка застенялся. Перед приходом он говорил, что хочет хорошенько с тобой поболтать — после отъезда за границу он очень долго по тебе скучал.

— Мама! — Му Сяодун дернул Ци Лянь за рукав, смущенно бросил взгляд на Сунь Чэ и тут же опустил глаза.

— Сяодун вырос, — окинул юношу взглядом Сунь Чэ. — Впрочем, одна черта осталась точь-в-точь как в детстве.

— Какая? — Му Сяодун поднял на него голову, с любопытством широко распахнув глаза.

— Всё такой же милый.

Ци Лянь прикрыла рот рукой и рассмеялась. Му Сяодун посмотрел на Сунь Чэ, и его лицо постепенно залилось краской.

Сунь Чэ мысленно позабавило это зрелище: ему еще не доводилось встречать двадцатилетних парней, которые краснели бы так же легко, как он сам. Вот только интересно, была ли эта белая кроличья шкурка внутри такой же безобидной, как снаружи.

Время слишком легко оставляет на людях свои следы: в те годы Ци Юй был сущим деревенщиной и угрюмым чурбаном, а теперь стал до того соблазнительным, что от него невозможно было оторвать глаз. При мысли о Ци Юе взгляд Сунь Чэ невольно заскользил по залу.

Пока он не заметил силуэт у панорамного окна.

Их взгляды встретились.

Ци Юй стоял у окна, и его тело слегка качнулось.

Сунь Чэ отвел взгляд, и улыбка на его губах стала шире.

Оказывается, в этом мире всегда был человек, чей взгляд, даже сквозь толпу людей, неотрывно падал туда, где находился он сам.

Впервые он почувствовал, что ощущение тайного чужого внимания — это тоже неплохо.

Сунь Чэ осушил бокал вина до дна, прикусил влажные губы, и в его улыбке промелькнуло нечто безмятежное.

— Сяо Чэ, у тетушки есть к тебе одна просьба.

— Какая?

— Сяодун собирается остаться учиться на родине, присмотри за ним в это время.

— Мама, я и сам о себе позабочусь, — Му Сяодун украдкой глянул на Сунь Чэ и снова дернул Ци Лянь за рукав.

Сунь Чэ кивнул и снова посмотрел на похожего на белого крольчонка юношу: Не переживай, я хорошо позабочусь о Сяодуне.

Услышав это, Му Сяодун мгновенно просиял и смущенно отозвался: Тогда спасибо, старший брат.

— Не нужно называть меня старшим братом, зови просто Сунь Чэ.

— А? — Му Сяодун услышал это и вопросительно взглянул на Ци Лянь.

Ци Лянь кивнула.

— Я не намного старше тебя, к чему все эти церемонии с «старшим братом»? — В глазах Сунь Чэ плясали искорки улыбки, а на лице читалось легкое подтрунивание.

— Тогда, Сунь Чэ, впредь я полностью на тебя полагаюсь, — произнес Му Сяодун и даже слегка поклонился, переполненный воодушевлением.

— Хорошо, — отозвался Сунь Чэ.

Но стоило его взгляду измениться, как улыбка на лице внезапно померкла.

— В чем дело? — Заметив, куда устремлен его взгляд, Ци Лянь тоже повернула голову.

Сунь Чэ поставил бокал на стол: Ничего. Поболтайте пока, я отойду по одному делу.

Ци Лянь бросила взгляд в сторону панорамного окна: Ступай.

Му Сяодун проводил его спину взглядом, а в его глазах на мгновение мелькнул странный огонек.

— Что вы творите?

Сунь Чэ подошел к окну, его брови тут же сошлись на переносице, но секунду спустя лицо снова обрело невозмутимое выражение.

Ци Юй равнодушно смотрел на висевшего на нем пьянчугу: Он вцепился в меня и не отпускает. На его дорогом костюме расплывалось огромное фиолетовое пятно от пролитого красного вина, а на лице Ци Юя читалось немалое раздражение.

— Уважаемый, не могли бы вы отпустить его? — Заметив это, несколько официантов поспешно окружили их, пытаясь оторвать пьяного от Ци Юя, но, опасаясь привлечь излишнее внимание гостей, не решались действовать слишком грубо.

Банкет начался совсем недавно, а этот субъект уже ухитрился напиться до такого свинячьего состояния — судя по всему, он прилично заложил за воротник еще до прихода.

Сунь Чэ грубо оттащил человека, который цеплялся за Ци Юя: Чэн Цзюнь?

Уголки губ Ци Юя едва заметно дрогнули.

Его дернули со спины: стоило ему повернуться, как на него плеснули вином, а этот тип тут же уткнулся ему в грудь и вцепился мертвой хваткой.

И надо же было такому случиться — это оказался именно он.

Стоит ли называть это предначертанным свыше? На сей раз он сам не опрокидывал бокал, зато его с ног до головы залил вином пьяный дурак.

Он ведь даже не выбежал из банкетного зала, а все равно столкнулся с Чэн Цзюнем, пусть тот на этот раз и налетел на него сам.

Неужели многие вещи в этом мире действительно предопределены?

Взгляд Ци Юя помрачнел: даже если это так, он разрушит это предопределение.

Чэн Цзюнь был одним из тех шалопаев, с которыми водился Сунь Чэ — обладая кое-какими

способностями, он вел себя крайне легкомысленно и славился ветреным нравом. На его счету числилось немало грязно и исподтишка сотворенных дел, но все они всегда подчищались безупречно.

Люди из их круга: одни умели лишь гулять на широкую ногу, другие действительно на что-то годились, но те, кто сочетал в себе любовь к развлечениям и реальную хватку, составляли костяк во главе с Сунь Чэ. Чэн Цзюнь как раз входил в их число, неизменно глядя на Сунь Чэ снизу вверх и следуя за ним по пятам. И надо же было ему так опозориться сегодня, на дне рождения старейшины семьи Сунь!

Ци Юй бросил взгляд на Сунь Чэ — немудрено, что у того было такое кислое лицо.

В тот год, после того как он столкнулся с Чэн Цзюнем у входа в банкетный зал, тот привязался к нему пиявкой и преследовал по пятам очень долгое время. Сам он никогда не одаривал его добрым взглядом, но в какой-то момент Чэн Цзюнь отстал. Вот только с тех пор, стоило им встретиться, он бросал на него злорадные взгляды, в которых плескалось едва сдерживаемое презрение.

По правде говоря, в те дни Сунь Чэ смотрел на него ничуть не лучше, просто тот куда искусно искуснее умел носить маски: как бы сильно он ни испытывал отвращение, когда требовалось улыбнуться, он все равно улыбался нежнее и слаще всех на свете.

Позже он действительно жестоко обожегся о руки Чэн Цзюня — хватило всего одного раза, чтобы Чэн Цзюнь вернул ему всё сполна, до последней монеты.

Но на этот раз тот налетел на него по собственной воле.

— Наверху есть гостевые комнаты, я помогу ему подняться, а ты тоже иди переоденься, — с помощью подросших официантов Сунь Чэ взвалил Чэн Цзюня на плечо.

Ци Юй молча последовал за ним по лестнице.

Швырнув бесчувственное, раскисшее тело на кровать, Сунь Чэ опустился на край и тяжело выдохнул.

Он поднялся, хлопнул пьянчугу по щекам и, не дождавшись никакой реакции, плотно сжал губы в тонкую линию.

Из ванной доносился мерный шум воды: Ци Юй, весь перепачканный вином, смывал грязь под душем. Сунь Чэ велел принести из своей спальни чистую одежду и постучал в дверь ванной.

— Твою одежду я велел отдать в стирку, пока перетерпи и надень мою. — Он уже собирался положить вещи на порог, как дверь ванной внезапно распахнулась. Ци Юй был облачен лишь в

банный халат, его мокрые пряди липли к щекам, а капли воды скатывались по шее прямо к ложбинке ключиц, где еще виднелись не до конца сошедшие розовые следы, выглядя до непристойности соблазнительно.

Его темные, глубокие глаза молча смотрели на него. Сунь Чэ вспомнил тот взгляд у панорамного окна, в груди вспыхнула обжигающая волна, и прежде чем он успел подумать, его руки уже пришли в движение.

Ци Юй взял вещи и только собирался вернуться в ванную, как его резко дернули за руку. Горячие объятия сомкнулись вокруг него, жаркое дыхание обожгло лицо, а мягкие, требовательные губы впились в его рот, увлекая в страстный водоворот.

Движения Сунь Чэ застали его врасплох, заставив на мгновение замереть. Опомившись, Ци Юй попытался отстраниться, но несокрушимая сила чужих рук прижала его к широкой груди. Во рту ощущался легкий привкус алкоголя, а язык партнера был одновременно податливым и полным хищнической жажды обладания.

Поняв, что вырваться не удастся, Ци Юй сдался и ответил на поцелуй, обвив руками его шею и приоткрывая рот, позволяя языку проникнуть еще глубже.

Их тела прижимались друг к другу все теснее, жар нарастал с каждым мгновением, казалось, само дыхание сквозь ткань одежды способно обжигать кожу. Ци Юй чувствовал, как капли воды на его теле испаряются от жара, тяжелое дыхание звучало прямо над ухом, влага с губ смешивалась в затяжном поцелуе, а чья-то рука уже с силой сорвала с него одежду, страстно оглаживая обнаженную спину.

Он резко перехватил блуждающую по спине руку: Погоди.

Сунь Чэ не обратил на него внимания, рывком стянул с него остатки одежды и потащил на кровать. Споткнувшись о край, Ци Юй рухнул на темные простыни, оказавшись полностью прижатым чужим весом.

— Сунь Чэ, прекрати! — Ци Юй вцепился пальцами в его волосы, оттягивая голову от своей шеи. — Там же кто-то есть.

Сунь Чэ действительно замер. Нахмурившись, он приподнялся, подхватил валявшееся на постели пьяное тело и пинком сбросил его на пол, после чего снова навалился на Ци Юя.

— Плевать на него, — тяжело дыша, пробормотал Сунь Чэ, касаясь губами кончика его уха. — Ци Юй, позволь мне взять тебя.

Ци Юй запрокинул голову, позволяя горячим губам скользнуть по шее, и поддавшись накатившему возбуждению, сорвался на стон: М-м... — тело пробила легкая дрожь. — Только

на этот раз.

В затуманенном сознании вдруг мелькнула странная мысль: в тот год результаты того банкета, кажется, были совсем другими...

<http://bllate.org/book/25619/3055813>